
ДМИТРИЙ КРАНЦ
СПАСТИ АТЛАНТИДУ • 2
ПРОТОКОЛ
“АНДРОМЕДА”

Дмитрий Кранц

Протокол "Андромеда"

Серия «Спасти Атлантиду», книга 2

https://litres.ru/74814429
SelfPub; 2026

Аннотация

2018 год, Балтийск. За толщей прусского бетона в дедовском бункере спит янтарный монолит — артефакт, способный преодолеть пространство и время. Бывший спецназовец Богдан и дочь погибшего Фаэтона Эола открывают переход к звездам, надеясь спасти древнюю Атлантиду.

Однако они проваливаются в техногенный ад. Принимающий маяк уничтожен, вокруг гремит зеркальная война трехметровых машин, а эволюция смерти идет с пугающей скоростью.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 8
Глава 3 13

Дмитрий Кранц
Протокол "Андромеда"

Глава 1

В бункере деда пахло ржавым железом. Замкнутый медный контур клетки Фарадея, армирующий стены, надёжно глушил электромагнитные поля внешнего мира. В тусклом свете аккумуляторной лампы янтарный куб казался огромным куском застывшего мёда. В его медовой толще спало Сердце Времени.

Пашка «Цифра» безумным взглядом окинул монолит. Его пальцы бешено летали над клавиатурой потрёпанного «Тинпада». Он выводил на экран каскады формул. Выглядел Пашка как человек, который только что расшифровал скрижали Бога, но теперь не знает, смеяться ему или просить политического убежища на Плутоне.

— Тритон, мой ИИ опять просто бился в истерике, — Пашка ткнул пальцем в мерцающий график волновых пакетов. — Оказалось, тут в сносках есть протокол сопряжения. При перемещении машина считывает ДНК оператора. Она активирует функцию ментального инжектора. По желанию того, кто запускает прыжок, Маяк выполняет прямую лингвистическую загрузку. Языковые базы целевого мира вши-

ваются прямо в кору головного мозга почти мгновенно. Инструкция позволяет это для мгновенной адаптации в точке прибытия. Ты сделаешь шаг в новый мир, Богдан, и твой мозг сам начнёт переводить чужие понятия. Причём ИИ выдал фонетическую транскрипцию этих команд.

Эола подошла к монолиту.

— Выбирай адрес, Богдан, — тихо сказала она. Её голос больше не дрожал. — Нам нужен ближайший ретранслятор. Тот, что лежит внутри радиусов четырнадцати с половиной световых лет отсюда и от места гибели Фаэтона.

Богдан склонился над Пашкиным монитором. Из адресной книги древних, расшифрованной ИИ, он выбрал сигнатуру под номером 20 345 247. Координаты указывали на эпсилон Эридана. Старая, стабильная звёздная система на расстоянии всего десять с половиной световых лет от Земли. Вектор смещения галактических рукавов показывал, что этот узел связи в настоящем времени остаётся в досягаемости сегодняшней Земли и Фаэтона на момент гибели.

— Готово, — Богдан ткнулся пальцем в экран. — Паш, жми.

Пашка зажмурился и вдавил клавишу ввода.

Тонкий, невидимый глазу луч лазера ударил точно в крошечный стеклянный зрачок в нише куба.

Секунду ничего не происходило. А затем клетка Фарадея дедовского бункера застонала. Замурованная в бетон медная сетка начала раскаляться, выдавая зловещий, вибрирующий

гул. Лампочка под потолком лопнула, осыпав их стеклянной пылью, но темноты не наступило. Янтарные грани куба стали абсолютно прозрачными. Внутри монолита, в самой его медовой толще, вспыхнуло трёхмерное созвездие, которого никогда не видели астрономы Земли.

Жезл Эолы выдал мощный, чистый аккорд, который Богдан почувствовал не ушами, а костями. В центре монолита вертикальная щель начала стремительно расширяться, превращаясь в ревущий, светящийся проём. В ту же секунду Богдан ощутил дикий, горячий наплыв неведомой силы в затылке. Лингвистический пакет инжектора ввинчивался в сознание. Это было больно. В кору мозга прописывались чужие слова, схемы и навигационные матрицы. Из недр проёма будто пахнуло чужим пространством — сухим, ледяным воздухом мёртвой планеты.

— Связь установлена! — закричал Пашка, перекрывая гул эфирного прорыва. — Коридор стабилен! Но у нас есть от силы тридцать минут, пока медная сетка в стенах не расплавится и не закоротит всю эту электродинамику!

Богдан перехватил Эолу за талию, чувствуя, как ткань её земного свитера уже начинает покрываться радужной окалиной. Крепче прижал надетый спереди кевларовый рюкзак с управляющим лазером, компьютером с загруженными программами перехода и адресной книгой маяков. Он оглянулся на Пашку.

— Уходи, Цифра. Спасибо тебе, и жди запроса на возврат.

— Удачи! — Пашка бешено улыбался, выдёргивая флешку из ноутбука. — Я с вами не полезу, у меня премия в следующем месяце. Но если вы не вернётесь и не расскажете мне, как устроена планета, которую земляне ещё не обнаружили — я сам найду этот ваш Фаэтон из принципа!

Богдан коротко кивнул другу. Концентрация на предстоящем пути вытеснила из головы последние сомнения. Впереди была неизвестность, неизвестный ретранслятор и далёкая, обречённая Атлантида, которую они получили шанс спасти. Локальный праславянский код, вшитый инжектором в разум, уже ворочался в мыслях Богдана готовыми, чёткими языковыми конструкциями.

— Шагнём, странниче? — Эола посмотрела на него, и в её фиолетовых глазах бушевало пламя Великого Потока. Впереди была миссия спасения атлантов от маньяков Фаэтона.

— Шагнём, принцесса, — Богдан прикосновением к монолиту подтвердил протокол и крепче сжал её руку. Янтарный монолит распознал ДНК.

Вихрь вокруг них прервал связь с этим миром, оставляя позади хрущёвки, Балтийск, XXI век и тихую земную жизнь. Млечный Путь больше не манил — он принял их в свои раскрытые объятия.

Глава 2

Сухой, удушливый кашель вытолкнул наружу остатки воздуха. Дышать здесь было абсолютно нечем. В лёгкие со свистом ввинчивался раскалённый наждак, густо замешанный на запахе горелого текстолита, тухлой серы и палёной шерсти. Богдан ткнулся лицом в серую, вязкую пыль. Она мгновенно забила ноздри. На зубах скрипел налёт со вкусом аккумуляторного электролита.

Мыслей не было. В левом виске стучала тупая, пульсирующая боль. Над самой головой раздавался ритмичный механический свист. Вжих-вжих-вжих. Будто кто-то огромный с бешеной скоростью вращал над ним стальной лист.

Он попытался опереться на левую руку. Ладонь погрузилась в жидкое и тёплое. Богдан резко отдёрнул пальцы. Перед глазами плыло неестественное, ядовито-фиолетовое марево. Небо над ним было выцветшим, словно выжженным химикатами, без малейшего намёка на облака или солнце. На серой породе медленно растекалась лужица тёмной крови.

— Богдан... — Хрип слева. Короткий и прерывистый.

Он повернул голову. Шею словно засыпали сухим песком. Эола лежала в двух шагах. Лицом вниз. Её земной свитер крупной вязки превратился в жёсткую корку. Шерстяные нити оплавились. Они покрылись сизой окалиной. Пахло палёным мясом. Джинсы на коленях прогорели добела.

Надо встать. Перекат. Нож.

Земля под животом Богдана яростно подпрыгнула. Звука удара не было. Уши забила плотная вакуумная тишина, сквозь которую прорывался лишь тонкий сверлящий писк, но всем телом он почувствовал, как сквозь гранитную толщу холма прошёл тяжёлый подрыв. Сверху хлынула мелкая острая крошка. Она посекла шею.

Взгляд сфокусировался на мелком предмете. Крошечный латунный болт с сорванной резьбой. Он застрял в трещине чужой скалы. На его шестигранной головке чётко проступало клеймо «ОТК-4». Дедовский верстак в бункере зацепило. Пашка «Цифра», матерящийся над лазером. Это была единственная точка опоры. Болт был здесь. Значит, бункер существовал. Или существовал секунду назад.

Богдан поднялся на четвереньки. Воздух давил на плечи с силой океанской глубины.

Маяк за их спинами больше не гудел. Огромный янтарный монолит был расколот надвое. Из рваной обугленной трещины выползал густой фиолетовый дым. Внутренности машины вывалились наружу. Капиллярные сети из радужного сплава, которые Эола пыталась оживить в Балтийске, превратились в оплавленные мёртвые петли.

Снаряд прилетел раньше до их прибытия. На одну миллиардную тика.

В трёх метрах от разорванного куба лежало тело. Это был Смотритель Маяка. Точнее, то, что от него осталось после

прямого попадания снаряда тяжёлой артиллерии. На его плече уцелел кусок серого комбинезона. Плотная гладкая ткань без единого шва. Богдан подполз ближе. Лицо Смотрителя было присыпано пеплом. Сквозь него проступала фарфоровая белизна кожи.

Тяжёлые, остекленевшие глаза мертвеца смотрели строго в зенит, и в их глубоких зрачках неподвижно застыли багровые сполохи далёких, непрекращающихся разрывов. Пальцы покойника намертво сжимали пульт из матового пластика. Экран устройства был разбит. Но внутри его полимерной матрицы всё ещё тлела строка навигационного кода.

— Богдан... тут эфир... он сошёл с ума, — Эола приподнялась на локтях. Её пальцы судорожно скребли серую пыль. Фиолетовые глаза расширились. — Это не Гул Жрецов. Здесь пространство рвут на куски. Слепая ярость. Она давит мне на череп.

Богдан дополз до края воронки. Он высунул голову между обломками стены.

Равнина кругом была перепахана войной. Серая бесплодная земля. Она была изрезана зигзагами глубоких траншей и длинными рядами ржавой когда-то бритвенно острой ленты. Воздух над горизонтом дрожал от сотен багровых вспышек. Залпы шли без перерыва. Методично. С частотой швейной машинки.

Слева двигалась колонна. Она поднимала тучи серого шлака. Это были тяжёлые трёхметровые антропоморфные

машины. Их угловатые хромированные корпуса шли в едином пугающем строю. Металл был покрыт глубокими царапинами. На плечевых щитах виднелись выжженные знаки — сложные геометрические руны, похожие на клейма тяжёлых машиностроительных заводов. Роботы шли молча, синхронно вскидывали длинные ребристые стволы резонаторов. Они посылали в сторону горизонта тяжёлые оранжевые импульсы.

Богдан заметил странную вещь. Из траншей противоположной стороны выдвигались точно такие же твари. Абсолютно. Те же пропорции угловатых торсов. Та же ширина шага. Та же траектория движения суставов. Единственным отличием был цвет. Насадки на их стволах пульсировали ледяным синим светом.

Две совершенно одинаковые стальные волны шли навстречу друг другу, созданные на одних и тех же инженерных схемах и использующие одну и ту же тактическую логику, словно их обучали по общему учебнику. Это была война близнецов. Зеркальная бойня. Кто они? Зачем они выжигают эту равнину? Богдан недоумевал. Для него эти знаки и цвета были шокирующими.

Воздух над холмом вдруг изменил тональность. Высокий свист перешёл в тонкий комариный зуд. От него мгновенно заныли коренные зубы.

— Назад! — Богдан вцепился в воротник прогоревшего свитера Эолы. Он рванул её вниз, на самое дно воронки, под

защиту расколотого куба.

Сверху наползало серое тяжёлое облако. Но это был не дым от разорвавшегося снаряда.

Огромное, плотное облако состояло из миллионов крошечных прозрачных кремниевых пластин, которые слоями разрезали пространство за счёт эфирной левитации. Рой. Чипы двигались, подчиняясь единым командам. Они искали шум — любое нарушение узора этой планетарной фабрики смерти.

И они уже зафиксировали чужеродное присутствие двух людей. Тех, кто только что вывалились из ниоткуда.

Богдан нащупал на голени тяжёлую рукоять своего дайверского ножа и рукоять автомата. Воронёная сталь показалась ему ничтожной защитой против тучи мыслящего железа, которая уже начала опускаться в их воронку, полностью закрывая фиолетовое небо.

Глава 3

Серый туман опускался в воронку. Он не был влажным. Он пах кремнием, сухой слюдой и гарью. Это был рой. Мириады мелких прозрачных пластин летели рядами. Они левитировали на эфирных подушках. Они двигались ровными плоскостями. Они резали воздух.

Богдан плотнее вжался в склон воронки. Он закрыл Эолу своим телом. Писк в ушах стал невыносимым.

Кремниевые пластины, плавно маневрируя за счёт едва заметных глазу микроскопических вихрей, опускались всё ниже, пока плотные слои этого смертоносного роя полностью не перекрыли фиолетовый свет выцветшего неба.

Во рту снова появился вкус меди. Рой опускался ниже. Чипы размером с ноготь замерли над ними. Они искали частотный шум. Любое отклонение от матрицы полигона.

Один чип упал на колено Богдана. На пластине вспыхнула золотая паутина дорожек. Чип загорелся злым рубиновым светом.

— Эола, жезл, — прохрипел Богдан. — Дай рваный импульс. Сбей им частоту. Иначе хана.

Девушка лежала в серой пыли. Её лицо побледнело. Она судорожно сжала медное древко.

Кристалл на конце жезла, мгновенно впитав в себя энергию эфирного поля, яростно и ослепительно плюнул фиоле-

товой искрой прямо в каменистое дно воронки.

Земной хаос из Пашкиной лазерной кодировки жезла сработал как глушилка. Рой над ними качнулся. Микрочипы начали сталкиваться друг с другом. Раздался сухой бумажный шелест. Золотые дорожки на пластинах вспыхивали зелёным. Они гасли. Отрезанные от сигнала чипы посыпались вниз. Они превращались в мёртвую кремниевую крошку.

Но этот всплеск эфира стал маяком. Их заметили.

Тяжёлый металлический шаг заставил землю дрожать. Край воронки осыпался. На фоне фиолетового неба выросла угловатая фигура. Трёхметровый антропоморфный робот-убийца. Его хромированная броня была покрыта глубокими зазубринами. На грудном щитке чернел знак: ломаный крест внутри шестерёнки. Голова машины — плоская линза. Она медленно вращалась. Она сканировала ров.

Машина не ждала. Она не знала сомнений. Длинный ребристый ствол резонатора нацелился Богдану в грудь. Конец ствола наливался оранжевым светом.

Богдан сработал на рефлексах. Диверсионная выучка не подвела. Он не стал вставать. Мощным толчком ног он выбросил тело вперёд. Он ударил подсечкой в тяжёлую опору робота. Вес машины едва не перебил ему голень. Но баланс был нарушен.

Тяжёлый хромированный монстр, не удержав равновесия на осыпающемся песчаном склоне, с оглушительным железным лязгом рухнул на самое дно рва, подняв плотную тучу

удушливой серой пыли.

Воронёный клинок Богдана вошёл точно в шейный стык. Туда, где извивались кабели в резиновой оплётке. Брызнуло вонючее масло. Робот дёрнулся. Его линза погасла. Но резонатор успел выдать короткий визгливый аккорд.

Этот звук отозвался на другой стороне равнины.

Из дальних траншей выдвинулся штурмовой блок. Точно такие же роботы-близнецы. Та же геометрия суставов. Тот же шаг. Но на их броне был прямой крест в круге. Их стволы пульсировали ледяным синим светом.

Две стальные волны сошлись прямо над землянами. Оранжевые и синие лучи скрестились. Воздух превратился в бурю из чистой энергии. Камни плавились. Они стекали по склонам стеклянными слезами. Стальные бойцы разваливались, попав под вражеский огонь.

Богдан, крепко перехватив Эолу за талию, рванулся вперёд по полузаваленному дну глубокого окопа, стремясь как можно скорее уйти из зоны видимости сканирующих линз. Он даже не попытался вернуться за выпавшим в схватке автоматом.

Стенки траншеи осыпались под ногами, забивая берцы мелкой щебёнкой. Над бруствером с оглушительным треском проносились плазменные разряды, выжигая воздух до запаха озона. Эола споткнулась о покореженную арматуру, едва не упав, но Богдан вовремя подхватил её под локоть и потащил дальше к тёмному провалу разбитого бетонного пе-

рекрытия.

Они нырнули под нависшую плиту, прижавшись спинами к холодному, покрытому копотью бетону. Сверху с глухим стуком посыпались мелкие камни и спекшийся песок. Лямка кевларового рюкзака больно врезалась в плечо Богдана, а в ушах всё ещё стоял звон от близких разрывов.

Эола тяжело дышала, сжимая погасший жезл обеими руками. Её фиолетовые глаза в полумраке укрытия казались почти чёрными.

— Они не остановятся, — прошептала она, прислушиваясь к размеренному грохоту шагов наверху. — Программа боя зациклена. Эта планета перемалывает сама себя уже тысячи циклов.

Богдан осторожно выглянул из-под бетонного козырька. Впереди, в нескольких сотнях метров, за изрытым воронками полем поднимался чёрный скальный хребет, у основания которого зиял узкий, неестественно ровный технический пролом.

Они уходили дальше через серую изрытую землю. Они не знали, кто друг, а кто враг. Для обеих армий они были лишь мишенью.